МОСГОРСПРАВКА МОССОВЕТА
Отдел газетных вырезок
Ул. Кирова 26/б Телефон 96-69

Вырезка из газеты ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА

15. ОКТ. 38 г.

Москва Газета № . . . .

1020

К 40-летию со дня основания Московского ордена Ленина Художественного Академического театра им. Горького. На фото: слева — народный артист СССР орденоносец **И. М. Москвин** в роли Луки в пьесе А. М. Горького «На дне»; справа — народный артист СССР орденоносец **К. С. Станиславский** в роли Сатина в этой же пьесе.

МХАТОВСКАЯ ШКОЛА

ВОСПОМИНАНИЯ АРТИСТКИ

На сцену Художественного театра было почти немыслимо попасть. Это была далекая мечта для многих кончавших школу юношей и девушек, уверенных в том, что они созданы для сцены.

Страшен был экзамен в верхнем фойе, где за столом сидели те, чьи фотографии украшали альбомы этой влюбленной в театр молодежи. Но даже страх перед выступлением был меньше радости видеть актеров, ставших дорогими сердцу.

Счастливцы попадали в школу или в сотрудники театра — те и другие участвовали в народных сценах, в знаменитых народных сценах Художественного театра. О них-то, об этих народных сценах, я и хочу рассказать.

Почему они стали знаменитыми, почему они жили такой убедительной жизнью, так волновали зрителей, как, например, сцена в «Мокром» из «Братьев Карамазовых»?

Потому что молодежь, участвующая в них, играла с увлечением, потому что у нее была уверенность, что она делает большое дело. А только такая уверенность вдохновляет.

В народных сценах Художественного театра кипела сценическая жизнь и заключалась сценическая наука, которая может быть больше, чем любое занятие в школе, учила тому, что такое театр.

Подготовлял эти сцены Василий Васильевич Лужский, создатель многих ролей в Художественном театре. С молодежью работал он. Отношение его к каждому участнику и создавало в нас сознание важности, нужности дела.

Он не только замечал каждый персонаж народной сцены; каждому он рассказывал его биографию: кто он, откуда, зачем пришел и куда уйдет. Он подробно описывал внешность персонажа. И ревниво следил за рождением и развитием этой несуществующей роли. Он бывал нетерпелив, горяч, но всегда относился к делу страстно и преданно. И он любил нас. И отвечал за нас. Когда мы перед показом пробовали грим, он с волнением следил за нашими неумелыми руками. Костюмы он еще за кулисами проверял сам — и подкалывал, и поддерживал, и заменял одно другим. Он воспитывал в нас чувство ответственности, чувство, которое спасает от нахальства, от панибратства со сценой, от распущенности. В народных сценах мы начинали понимать, что такое общение, что такое сценическое воздействие одного актера на другого.

Лужский не оставлял незамеченным вялый, пошлый, несценический или казенный разговор. Мы общались, как общаются актеры, играющие роль. Мы начинали понимать, что такое действие. Лужский кричал из зрительного зала: «Зачем пришли на сцену? Назад, вы просто явились на выход». Лужский отмечал каждого, кто выходил хорошо, — в этом был его большой педагогический талант.

И молодежь, попадавшая в его руки, любила свое дело, радовалась своему труду, знала, что Лужский подготовляет в ней будущих актеров.

Народные сцены Художественного театра звучали убедительно, темпераментно, увлекательно и, главное, не «разваливались». В каждую сцену слишком много было вложено личного творчества каждого участника — это были наши первые маленькие роли. Это создавало прочный фундамент, и здание народной сцены держалось до тех пор, пока шла пьеса.

Благодаря Лужскому в народных сценах выходили не безответственные любители и неученые ученики, не равнодушные статисты, а будущие актеры, проникнутые чувством ответственности перед зрительным залом.

А это — одна из характерных черт культуры замечательного Художественного театра.

С. ГИАЦИНТОВА,
заслуженная артистка республики

87